

Ли Хун ощутил, как время застыло — на четверть часа или всего лишь на краткий миг. Пальцы Чэнь Гэ едва заметно дрогнули, а затем его тело забилося в конвульсиях. Он резко вскинул голову и с хрипом вдохнул полной грудью:

— Ха-ха-ха! Кха... кха-кха...

Ли Хун рванулся к нему:

— Чэнь Гэ!

Те сто человек, что знали о плане, взорвались ликующими криками. Вслед за ними, еще не понимая причины, начали праздновать и остальные: мужчины, женщины, старики. Полуразрушенный рудник заполнился ликующей толпой; люди сходились, сталкивались, и это место в одночасье превратилось в бушующий океан радости.

Ли Хун, ослепленный восторгом, подлетел к Чэнь Гэ, но не сумел вовремя затормозить. Он со всей силы наступил другу на спину. Тот выгнулся, точно выброшенный на берег карп, и ткнулся лицом в щебень и песок, едва не задохнувшись.

— Пфе! Пфе-пфе! — отплевывался Чэнь Гэ. — Да хватит с тебя, Ли Хун!

Тот, вне себя от счастья, подхватил его под мышки и поднял. Ли Хун обхватил голову Чэнь Гэ ладонями и несколько раз с силой прижался своим лбом к его лбу, едва не сталкиваясь костями. Чэнь Гэ рассмеялся сквозь слезы:

— Боги мои! Ты можешь хоть раз меня не топтать?!

Ли Хун покраснел, он не находил слов. Это лицо — все в крови, бледное, живое и прекрасное — казалось ему сейчас самым чудесным, что он видел в жизни.

— Господа! — К ним подбежал Янь Чуань, на плече которого восседала массивная сова. — Слава небу, вы живы.

Ли Хун обернулся, выпуская Чэнь Гэ:

— Что там, впереди?

— Циньские псы понесли тяжелые потери, — отрапортовал Янь Чуань. — Я послал Чан Эра на разведку: Северо-западный главный лагерь пуст! Золотых гусей не видно, иноземка в пурпурном тоже исчезла. Судя по следам, они ушли на запад еще ночью.

— Значит, вчерашнее построение было не для учений, — заключил Ли Хун. — Они выступали в поход.

Чэнь Гэ покачал головой, чувствуя, как по спине пробегает холодок:

— Ночной марш? Эксперимент с трупами прошел успешно, но их еще слишком мало. Куда они направились?

— В Сяньян? С докладом? — предположил Ли Хун, и его непослушная прядь на макушке забавно подпрыгнула.

Чэнь Гэ рассеянно дернул его за этот хохолок:

— Повезли образцы на проверку, чтобы потом запустить массовое производство и бросить в самое пекло войны. Нужно признать, подход у них... крайне научный.

Чэнь Гэ хотел добавить что-то еще, но его прервал истошный вопль:

— Чудовища!

Грохот взрывов окончательно стих, но сквозь пелену дыма и оседающую пыль прорвались десятки золотых лучей. Огромный золотой гусь, превращенный в полумертвого монстра, широко разинул пасть и одним махом откусил голову какому-то мужчине!

Крики ужаса один за другим прорезали воздух, вмиг разбив хрупкую радость спасения. Перед лицом судьбы все они вновь оказались лишь жалкими муравьями. Ветер донес до них звуки древней песни. Голос казался более сиплым, чем тот, что они слышали прежде, — пел явно другой человек, — но от этого мелодия звучала еще более зловеще и надрывно:

"Грешники владеют тучными землями, хранимые небесами... Невинные же обречены скитаться на краю мира..."

Песня приближалась. Из огненного марева и дыма вышла Пурпурная женщина. На ней не было маски: белое, точеное лицо с тонкими чертами, раскосые «фениксовые» глаза и алые губы. Она сурово нахмурилась, а на висках отчетливо проступали вздувшиеся вены. Она прижимала руку к груди, нашептывая что-то на древнем, едва слышимом наречии.

Золотые гуси кружили над ней. Один глаз у каждой птицы был золотым, другой — налитым кровью. Половина их тел сияла ослепительным блеском, а опадающие перья напоминали золотую пыль. Другая же половина была охвачена гнилью: мириады ядовитых насекомых копошились в разлагающейся плоти, осыпаясь вниз при каждом взмахе крыльев. Они парили в самом пламени, не чувствуя боли.

Женщина остановилась неподалеку. Резкий свист — и гуси прекратили атаку, начав кружить над головами людей. Между ней и толпой пролегла глубокая расщелина. Взрыв обрушил своды туннелей, и земная твердь разверзлась, образовав провал, заполненный обломками скал, кусками тел и извергающимся пламенем. Это было похоже на извилистую реку мертвых.

Замерло всё: и люди, и звери. Время словно остановилось в этом причудливом противостоянии.

— Что она делает? — шепотом спросил Янь Чуань.

— Наверное... — в голове Чэнь Гэ словно вспыхнула искра, — хочет посмотреть, как мы будем умирать в муках?

Янь Чуань бросил на него быстрый взгляд и невольно вздрогнул. Чэнь Гэ же внезапно изменился в лице. Без единого предупреждения он вскинул арбалет и выпустил три болта в женщину.

Та даже не шелохнулась. Один из золотых гусей камнем рухнул вниз, прочертив крылом дугу, острую, как лезвие меча. Его стальные перья перерубили стрелы в воздухе; наконечники и оперение разлетелись в стороны, вонзаясь в щебень и обращая камни в пыль.

В следующий миг тучи над рудником разошлись. На востоке взошло солнце, и крылья золотых гусей вспыхнули в его лучах, заливая небо переливчатым сиянием.

Пурпурная женщина начала читать заклинание, и все гуси собрались перед ней. Она резко отняла руки от груди — и в тот же миг стая, подобно выпущенным стрелам, устремилась к людям, оставляя за собой слепящие росчерки света. Сама же она стояла неподвижно, точно полководец, направляющий верную конницу в бой.

— Ли Хун! — закричал Чэнь Гэ. — Уводи людей назад!

Ли Хун выпустил десятки стрел, но гуси с легкостью перерубали их крыльями.

— Стрелы их не берут! Все назад! Знаменосцы, отступайте!

Не успел он закончить, как огромная птица вцепилась в голову высокому знаменосцу в алых одеждах и рывком подняла его в воздух. Остальные монстры тут же набросились на беднягу, разрывая его на части прямо в небе. Кровь и внутренности брызнули из вспоротого живота, расцветая в вышине жутким багровым фейерверком.

Толпа взвыла. Люди, только что праздновавшие победу, бежали теперь, как прорванная плотина. Чэнь Гэ замер, потрясенный этой жестокостью. Он перестал бежать и обернулся к Пурпурной женщине.

"С чего она взяла, что вправе так поступать? — ярость закипала в нем. — Почему она распоряжается чужими жизнями ради забавы?"

Женщина тоже заметила его — единственного, кто остался стоять, пока остальные в панике топтали друг друга. Она широко раскрыла глаза, глядя на Чэнь Гэ. В ее белом лице не было ни торжества, ни радости, ни жалости. Лишь странное... любопытство.

"На что уставилась?"

Чэнь Гэ задышался от гнева, глаза его застлало слезами обиды и злости. Он даже не заметил, как со спины к нему на бешеной скорости несется огромный золотой гусь.

— Чэнь Гэ! — сердце Ли Хуна ушло в пятки.

Тяжелая алебарда, пущенная чьей-то мощной рукой, пробила голову птицы и намертво пригвоздила ее к земле. Ли Хун, задыхаясь от бега, подскочил к другу:

— Опять ты застыл в самый неподходящий момент!

Чэнь Гэ броском повалил Ли Хуна на землю, уворачиваясь от другого гуся. Пользуясь моментом, когда тварь пролетала мимо, он мертвой хваткой вцепился ей в шею, а другой рукой выхватил из земли ту самую алебарду. Гусь взмыл вверх, яростно мотая головой и издавая хриплый рев. Чэнь Гэ не отпускал. Используя инерцию движений монстра, он запрыгнул ему на спину и сжал шею ногами, заставляя птицу набирать высоту.

Монстр крутился и извивался, пытаясь сбросить наездника. От бешеного вращения у Чэнь Гэ потекли слезы. Он крикнул Ли Хуну, оставшемуся внизу:

— Берегись!

Затем он поглубже запустил пальцы в перья на шее гуся. Острые края перьев полоснули по коже, обдирая мясо до костей, но Чэнь Гэ лишь крепче впился в плоть, заставляя тварь зайтись в истошном крике. Гнилая половина тела птицы кишела насекомыми; они дождем осыпались вниз, но почему-то старательно обползали самого Чэнь Гэ. Впрочем, парню, которого мотало на ветру, было не до таких мелочей.

Он вдруг оскалился в безумной улыбке, а затем стал ледяным. Отпустив шею одной рукой, он перехватил алебарду обеими и, удерживаясь лишь силой колен, несколько раз с размаху рубанул воздух. Лезвие с молниеносной скоростью вошло в голову одного из летящих рядом гусей, пробив ее насквозь. Тварь мгновенно потеряла свое золотое сияние и рухнула вниз, выбивая из земли тучу пыли.

Почувствовав вкус крови, Чэнь Гэ пошел в атаку, одну за другой протыкая туши чудовищ. Небо

наполнилось их предсмертными хрипами. Когда Чэнь Гэ выдернул алебарду из очередного врага, другой гусь, улучив момент, широко разинул пасть, чтобы перекусить наезднику хребет.

В этот миг стрела с нечеловеческой силой вонзилась монстру в левый глаз и вышла через правый. Янь Чуань, найдя где-то тяжелый циньский лук, натянул тетиву до упора и сразил тварь наповал. Ли Хун тем временем уже сумел организовать стрелков. Почти пятьдесят воинов Чжао выстроились на земле, засыпая небо градом стрел. Возникла плотная стена из металла, вставшая между монстрами и бегущими людьми.

Паника утихала. Люди начали приходить в себя, видя, как золотые гуси один за другим падают замертво. Казалось, победа близка. Однако Чэнь Гэ, круживший выше всех, заметил нечто странное. Пурпурная женщина по-прежнему стояла неподвижно. Она чего-то ждала.

И ожидание оправдалось. Сотни людей, только что погибших от клювов и когтей гусей, начали медленно подниматься с земли. Тем, кому птицы сразу снесли голову, повезло больше всех. Те же, кто просто был загрызен, теперь вставали.

Это было самое жуткое зрелище, которое когда-либо видели эти воины. В море крови изуродованные трупы качались на неверных ногах, а их глаза под прямыми лучами солнца вспыхивали призрачным голубым светом. Еще недавно они были близкими друзьями, верными товарищами, братьями. Теперь же они стали живыми мертвецами, запертыми в этом мире.

— Эти циньские псы не дают им покоя даже после смерти! — взревел от боли и ярости Ли Хун.
— Пли!

Полуденное солнце словно скрылось за невидимой черной тучей, но гнев оказался сильнее ужаса.

— Уходите! — кричали воины своим павшим братьям.

— Покойтесь с миром!

Стрелы сыпались дождем, но иноземка снова свистнула. Мертвецы, не зная боли и страха, пошли на прорыв прямо сквозь обстрел.

— Парни! Отправьте их домой! — прокричал Ли Хун.

— Душа! Вернись в родные края! — подхватили сотни голосов.

Ли Хун взобрался на обломок скалы и, подняв огромное знамя, начал яростно размахивать им, указывая направление атаки. Золотых гусей почти не осталось, и бежавшие прежде воины Чжао, воодушевленные своим командиром, бросились обратно в бой.

Гусь под Чэнь Гэ оказался хитрее прочих. Видя, как солдаты расстреливают его собратьев, он перестал лезть в гущу боя и начал кружить в тылу, стремясь уйти в сторону пурпурной женщины. Чэнь Гэ уже едва держался от головокружения. Наконец, совершив резкое пике и крутой разворот, монстр сбросил наездника.

Гусь был серьезно ранен. Исходя яростным ревом, он протащил израненное брюхо по острым камням, оставляя след из гнилой плоти и слизи, а затем свечой ушел в облака. Чэнь Гэ кубарем покатился по земле и замер прямо у ног Пурпурной женщины. Женщина мгновенно отпрянула и выхватила из-за пояса бамбуковую трубку, выпуская рой ядовитых тварей.

Огромные сколопендры и скорпионы в один миг облепили лицо Чэнь Гэ. От невыносимой боли его мышцы свело судорогой, красивое бледное лицо мгновенно налилось фиолетовой чернотой, кожа лопнула, и из ран брызнула темная кровь. Женщина смотрела, как он бьется в агонии у ее ног. В ее глазах на миг промелькнуло замешательство, и она отозвала своих насекомых.

Но это выражение недоумения так и осталось застывшим на ее лице навсегда. Никто не мог предугадать, что Чэнь Гэ, лежащий лицом в грязи и залитый черной кровью, внезапно вскинет голову. Его лицо было абсолютно целым и невредимым.

В тот самый момент, когда он поднял взгляд, арбалет, спрятанный под телом, сухо щелкнул. Стрела в упор пробила голову Пурпурной женщины. Кровь тонкой струйкой потекла по ее точеному носу.

Чэнь Гэ выдохся. Он рухнул на спину, не в силах больше чувствовать ни скорби, ни облегчения. Он просто лежал и жадно хватал ртом воздух, глядя вдаль. Это был не просто бой за Чжао. Там, где восставали мертвецы... там отныне пролегалo поле его вечной битвы.

Страх и сомнения исчезли. Собрав последние силы, Чэнь Гэ поднялся на ноги и зашагал к своим. Но внезапно тень накрыла его: тот самый золотой гусь, ушедший в облака, камнем падал вниз, целясь острым клювом прямо в сердце Чэнь Гэ.